

— Я сам приготовлю, — сказал Цинь Хэ, вставая и направляясь к умывальнику. — Сварим немного баранины Байчэ*, а ещё я обжарю мясо с пряностями.

— Хорошо, — кивнул Куй У.

(ПП: Баранину Байчэ готовят, обжаривая мясо с различными специями, а затем нарезаая на ломтики после охлаждения. Её часто подают с соусами, такими как зелёный лук, бальзамический уксус, соус из сладкой фасоли и масло чили.)

Баранину он нарезал с задней ноги кусочками по три пальца в длину и два в ширину, ровно уложив в миску. Слегка присолил, капнул каплю соевого соуса, посыпал сверху щепоткой рубленого зелёного лука и поставил миску на решётку в пароварке.

В доме имелся ли - древний сосуд на трёх ножках с широким брюхом, который можно было поставить прямо на открытый огонь. Он быстро нагревался, поскольку имел большую площадь соприкосновения с пламенем, и был удобен для варки и тушения, но не для жарки. Чтобы жарить, нужен железный котелок. Один такой стоил около четырёх гуаней, не каждая семья могла позволить себе такую роскошь. Вот почему говорили: «Разрушенный дом стоит целое состояние»*. Этот железный котелок как раз и был признаком достатка - Куй У, похоже, был не так уж беден.

(ПП: Полная версия звучит так: «Разрушенный дом стоит целое состояние, но переезд ведёт к бедности на три года». Поговорка означает, что, хотя семья может казаться богатой, как только её состояние уменьшается, многие вещи (например, старые дома и мебель) становятся бесполезными на рынке.)

Однако железный котёл быстро поглощал дрова и требовал отдельной топки. Ли же был куда экономичнее, достаточно было одной охапки веток, чтобы разжечь его в любом месте. Особенно хорош он был зимой: поставишь его в спальне, подложишь немного хвороста, и вот тебе и горячая пища, и тепло в комнате. А когда не готовишь, используешь для кипячения воды, и всегда можно напиться тёпленького.

Тем не менее, Цинь Хэ не предложил использовать ли. Хотя теоретически можно было бы сэкономить время - тушить в ли, а жарить в котелке, но тогда пришлось бы разводить сразу два огня, а это означало бы вдвое больше дров. А дрова зимой на вес золота. В горах всё завалено снегом, дороги скользкие и опасные, и даже опытным заготовителям приходится нелегко. Потому в холодное время года старались экономить на всём: пусть и холодно, но терпимо, лишь бы не растратить запасы раньше времени.

Цинь Хэ ведь был не из тех избалованных господских деток, что родились и выросли в сытые, спокойные времена до конца света, потому и не спешил, не нервничал из-за пары лишних минут - подождать не проблема. Да и вообще, в деревенской жизни главное, чего у людей хватает, это времени.

Когда баранина приготовилась, Цинь Хэ на сильном огне быстро обжарил мясные кусочки с

добавлением трёх морковок, что с осени хранились в земляном погребе. Красная морковь, белый лук, сероватое обжаренное мясо - всё это не только источало изумительный аромат, но и выглядело настолько аппетитно, что аж слюнки текли.

— Вот это запах, — восхищённо пробормотал Куй У, ставя на стол большую миску, в которую наложил с горкой риса с кукурузой. В другой семье так бы не стали - рис ценный, часто его варят просто полужидкой кашей, а то и вовсе жижей, особенно если в доме хозяйничает прижимистая старуха. А вот плотной, рассыпчатой каши можно дожидаться только весной, когда начинают сеять - тогда уже не так страшно тратить зерно.

Куй У, сев за стол, первым делом положил кусок баранины в чашку Цинь Хэ и только потом стал есть сам.

— Вкусно, — с восхищением сказал он. — Фулан, у тебя и впрямь отличная стряпня. Гораздо лучше, чем у Сян-дасао. Даже в ресторанах, где я бывал, мясные блюда были не так хороши.

Изначально, когда Куй У похвалил его кулинарные способности, Цинь Хэ должен был бы почувствовать гордость и удовольствие. Но сейчас ему было не до этого, он с упоением ел, не отрываясь, уминая один кусок мяса за другим.

Он только теперь понял, насколько вкусной может быть баранина. То, что раньше называли «специфическим запахом», после жизни в постапокалипсисе, когда несколько лет подряд не знал даже как пахнет мясо, теперь казалось воплощением вкуса самого настоящего мяса.

Цинь Хэ ел молча, не поднимая головы, поглощая всё подряд с такой жадностью, что, очнувшись, понял - живот вот-вот лопнет от сытости.

— Ешь ещё, — тем временем Куй У всё ещё продолжал подкладывать ему мясо в чашку. Видя, как сильно супругу нравится, он сам почти не притрагивался к баранине. Периодически ел по кусочку тушёного мяса, но заедал это сразу несколькими большими глотками кукурузного риса. Так он проглотил целую чашку риса и съел всего-то три кусочка мяса. Но для Куй У в этом не было ничего необычного. В голодные годы, когда он был ребёнком, не то что мясо - и жмых ели, и отруби. А теперь вот целая чашка зернового риса - да за такое можно и глаза выкатить от радости.

Цинь Хэ, глядя на почти опустевшую миску с мясом, почувствовал лёгкое смущение.

— Я наелся, теперь ты ешь, — искренне сказал он. Он и вправду съел очень много: не считая огромной, плотно утрамбованной чашки риса, он почти в одиночку разделался с двумя блюдами баранины. Такой аппетит мог бы испугать любую хозяйку. Если бы он попал в другую семью, его бы, возможно, уже выставили за дверь. Кто в бедной семье не затягивает потуже пояс? Где это видано - есть без меры?

Куй У взглянул на него и, убедившись, что тот действительно сыт, вылил остатки мясного соуса

в рис и съел ещё две большие чашки.

Ночью, лёжа на постели, Цинь Хэ витал где-то в облаках. Мужчина рядом вдруг шевельнулся, и на него словно обрушилась гора - тяжёлое тело навалилось сверху. В следующее мгновение у уха прозвучал низкий, глухой мужской голос:

— Баранина горячая по свойствам. Я помогу тебе выгнать жар.

Куй У был крепкого телосложения, с натренированным телом, к тому же недавно впервые вкусил сладость плотских утех, и его выносливость оказалась пугающей. Он изматывал Цинь Хэ добрую половину ночи, превратив его в размякшее тесто. На следующий день тот с трудом поднялся с постели, когда солнце уже стояло высоко.

А в это время Куй У уже приготовил кашу из риса и кукурузы, сварив ней свежее куриное яйцо, только что снесённое домашней курицей.

— Мы возьмём что-нибудь с собой, когда пойдём к твоим родителям? — спросил Куй У, имея в виду традиционные подарки к возвращению в отчий дом. Обычно такие визиты сопровождалась солидными дарами, особенно если молодая супружеская пара жила в достатке. Цинь Хэ внешне выглядел утончённо и достойно, но, зная его отношение к родным, Куй У догадывался, что тот вряд ли горит желанием выставлять себя перед семьёй.

Цинь Хэ немного подумал и спокойно сказал:

— Возьмём пару пучков сушёных овощей и одну капусту из погреба - этого достаточно.

Такой «подарок» выглядел крайне скромно, если не сказать убого. Только у самых бедных семей на стол бы попали такие скудные дары, не то что на визит на третий день после свадьбы. И подобная бедность не просто выставляла Цинь Хэ в невыгодном свете, но и бросала тень на самого Куй У, делая его объектом насмешек. Однако Куй У ничуть не смущался: главное, чтобы Цинь Хэ чувствовал себя уверенно и получил моральное удовлетворение. Ему и в голову не пришло обижаться на «позор» или думать о чужих языках.

После еды Куй У убрал за собой и пошёл в погреб. Он сдвинул тяжёлую доску, накрывающую лаз, немного проветрил, выпустив влажный затхлый воздух, и только потом поставил лестницу и спустился вниз. Спустя несколько минут он выбрался обратно, таща корзину, в которую уложил несколько кочанов капусты, охапку сушёных овощей и пучок моркови. Из всего этого он отобрал часть для визита - ту самую «показную» долю, лёгкую и небогатую, как и планировалось.

Когда всё было готово, они неспешно выдвинулись в сторону дома Цинь Хэ.

А в доме Цинь тем временем с самого рассвета царил напряжённое ожидание. Никто даже не

притронулся к завтраку, все сидели с пустыми желудками, но с полными надежд сердцами.

Цинь Гуаню в этом году исполнилось всего девять лет - единственный сын стариков из семьи Цинь, любимец, которого берегли, как зеницу ока. Даже имя ему дали говорящее: «Гуань» - «владеть несметным богатством».

— Мам, почему старший брат всё ещё не вернулся? — в который уже раз спросил Цинь Гуань, выглядывая с двора.

Его нетерпение вовсе не было связано с трогательной привязанностью к брату. Мальчика интересовало только мясо. А именно та самая баранья нога, с которой, по слухам, должен был вернуться брат.

Вспомнив про мясо, Цинь Гуань невольно облизнул губы:

— Соседка тётка Чжао говорила, что зять купил целую баранью ногу. Это правда?

Цинь Пин тоже облизывалась, она хотела мяса не меньше брата. Хотя её вчера и поставили на место, поучив уму-разуму, всерьёз она это не восприняла. За столько лет жизни с братом она привыкла к его мягкому, покладистому характеру. В детстве она часто его обижала, и тот никогда не давал отпор. То, что вчера он осмелился ей перечить, она списала на временную слабость. Мол, загнали в угол, вот и сорвался. Ведь такая дорогая хлопковая ткань и вата не шутка. Если бы он и впрямь осмелился купить ей всё это за счёт мужа, вернувшись домой, он от расправы бы не ушёл. Даже загнанный в угол кролик кусается, и у глиняного человечка есть земные качества*. Так что вспышку она объяснила просто: даже у самого мягкого человека есть предел. И как бы странно он вчера себя ни вёл, ни Цинь Пин, ни остальные члены семьи Цинь всерьёз это на веру не приняли, просто списали на случайность.

(ПП: Эта метафора подчёркивает, что человеческие эмоции и характер естественны и не могут быть полностью устранены.)

- Конечно, правда! — Цинь Пин поспешила первой ответить, не давая никому вставить и слова.
— Тётка Чжао ведь сама сказала: Куй У вообще не стал это скрывать, прямо так, на глазах у всех, с целой бараньей ногой прошёлся через весь город. Полгорода видело, как он это нес, с чего бы тут врать?

Затем она повернулась к Ли Чанфу и, стараясь изобразить всю свою «женственную мягкость», ласково сказала:

— Брат Чанфу, когда ты пойдешь домой, я попрошу маму отрезать тебе немного баранины с собой. Ты же учёный человек, тебе нужно есть побольше питательного.

Услышав это, Ли Чанфу нахмурился так, что брови сошлись на переносице.

— Разве так можно? — строго возразил он. — Как это - прийти к будущей родне с пустыми руками, а уйти с мясом? Это совсем не подобает человеку учёного сословия!

Он сердито одёрнул Цинь Пин:

— Я и так сегодня пришёл с нарушением всех приличий. Это ты три-четыре раза приходила к нам и уговаривала, упростила меня составить тебе компанию. Я только потому и пришёл, что ты не отставала. Так что о мясе больше ни слова!

На самом деле он прекрасно понимал: по всем правилам сегодня ему вообще не следовало бы появляться в доме Цинь, ведь его бывший уже вступил в брак и в этот день возвращается домой с визитом. Не дело, чтобы один и тот же жених сидел при двух семействах. Но он всё же пришёл и не только из-за настойчивых уговоров Цинь Пин. Его мать, услышав, что Цинь Хэ принесет в дом матери баранью ногу, специально подговорила сына: «Сходи, может, и тебе кусочек обломится».

Жизнь у семьи Ли была нелёгкой. Они были обычными крестьянами, а тут ещё и приходилось содержать сына-учёного, а это дорогое удовольствие. Их быт был всего на шаг лучше нищеты, когда и кашу сварить не из чего. Единственной надеждой и предметом гордости семьи был Ли Чанфу, их «билет в светлое будущее».

Была у Ли Чанфу и своя личная обида: он до сих пор не мог простить Цинь Хэ, что тот не выбрал его - молодого, многообещающего, красивого и утончённого, и вместо этого пошёл замуж за какого-то грубого, неотёсанного, но сильного как бык мужлана, у которого в голове, кроме кулаков, ничего не было. Эта досада сидела у него в груди камнем, и он твёрдо решил, что при встрече обязательно спросит у Цинь Хэ в глаза, почему так поступил.

После того как Ли Чанфу сделал Цинь Пин выговор, она больше не осмеливалась открывать рот. А остальные члены семьи Цинь вообще не придавали этому значения. Во-первых, они надеялись, что Ли Чанфу вскоре сдаст экзамен и сделается чиновником, тогда им будет с кого «поймать» пользу. А во-вторых, как они считали, раз дочка скоро выйдет замуж, значит, она уже принадлежит мужниной семье, а значит, побои и ругань - это её участь, нечего жаловаться. Пусть даже формально свадьбы ещё не было, но раз обручены - всё одно.

— Почему они до сих пор не пришли? Уже полдень! — даже отец Цинь, обычно равнодушный ко всем делам в доме, начал беспокоиться.

Но беспокоился он вовсе не потому, что сын с мужем долго не возвращаются, а из-за той самой бараньей ноги.

— Мама, папа! — вдруг вбежал в дом Цинь Гуань, — старший брат вернулся!

Он выбежал смотреть, не идут ли они, и теперь, задыхаясь от бега, влетел обратно, словно вихрь.

- Но он принёс целую баранью ногу или только половину? — Цинь Пин с такой силой схватила брата за руку, что Цинь Гуань вскрикнул от боли.

- Цинь Пин, отпусти, ты мне больно делаешь! — взвизгнул мальчишка.

Цинь Пин немного ослабила хватку, но сразу резко спросила:

- Так почему ты молчишь, когда тебя спрашивают?

Цинь Гуань недовольно надул губы:

- Не видел, чтобы зять ногу нёс, только корзину плетёную у него на плече заметил.

- Только корзину?! — голос Цинь Пин резко взвился до визга, отчего стал почти невыносимо пронзительным.

Лицо Ли Чанфу помрачнело ещё сильнее. Такая женщина больше смахивала на базарную склочницу, чем на благонравную будущую супругу. Это было настоящим оскорблением для учёного человека.

Мать Цинь поспешила одёрнуть дочь:

- Что ты раскричалась? Ещё услышит тот Ша-шэнь - всем нам несдобровать. Даже если и одна корзина, что с того? Вполне могли и мясо туда положить. Баранина нынче дорого стоит. Купили, так, может, себе половину оставили, а остальное нам принесли. Вот она в корзине и лежит.

Чем больше мать Цинь говорила, тем больше убеждалась в своей правоте. Она и подумать не могла о другом - если бы мясо не предназначалось для них, зачем было покупать целую баранью ногу заранее, за день до визита?

Раздался скрип, калитка открылась и захлопнулась. Вся семья Цинь сразу поняла: Цинь Хэ с Куй У вернулись. Отец Цинь тут же нарочито прокашлялся пару раз, поспешно юркнул в комнату и уселся с важным видом, стараясь изобразить невозмутимого и авторитетного тестя.

Ли Чанфу тоже торопливо поправил одежду, пригладил рукава, проверил, всё ли на нём идеально. Он обязан выглядеть как образцовый, благородный юноша, блистательный и воспитанный, чтобы затмить того Ша-шэня и заставить Цинь Хэ даже после свадьбы и рождения детей тосковать по нему. Именно поэтому он сегодня нарядился в самую лучшую свою одежду.

Цинь Пин при виде этой сцены вся затряслась от зависти. В глазах закипала злоба и смертельная ревность. Она даже немного пожалела, что притащила Ли Чанфу с собой, а больше всего ненавидела Цинь Хэ за то, что тот всё ещё жив. Почему этот Ша-шэнь не забил его до смерти?

А вот мать Цинь и младший брат Цинь Гуань выскочили встречать гостей с лицами, сияющими от радости:

— Ах, Цинь-эр и далан пришли! Да чего ж вы с подарками! Пришли бы и просто так! Ну зачем же тратить деньги на такую дорогую баранью ногу?

На словах мать Цинь вроде бы укоряла их, мол, зачем тратиться, но руки у неё работали быстрее языка - она схватила корзину и тут же вырвала её у Цинь Хэ.

Цинь Хэ едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Интересно, что они будут делать, когда поймут, что в корзине никакого мяса нет.

Пока он молча забавлялся, мать Цинь уже раскрыла корзину... и замерла, словно в ступоре уставившись внутрь.

— А... а где баранья нога? — растерянно пробормотала она, будто не веря своим глазам. — Вы... вы по дороге её случайно не потеряли?

<http://bllate.org/book/13598/1205823>